

УДК 37.016:821.111(Макьюэн И.)
ББК ШЗЗ(4Вел)6-8,44р

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20; 13.00.02

Беклемышева Валерия Павловна,

ассистент, кафедра английской филологии и сопоставительного языкознания, Институт иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; e-mail: valeriya.pavlova2014@yandex.ru.

ПСИХИЧЕСКАЯ НОРМА И ЕЕ ГРАНИЦЫ В РОМАНЕ И. МАКЬЮЭНА «АМСТЕРДАМ» (К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО РОМАНА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИСТОРИИ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX В.)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: норма; психическая норма; психологический роман; психологизм; И. Макьюэн, история зарубежной литературы XX в.

АННОТАЦИЯ. Объектом исследования данной статьи является представление о психической норме в работах Иэна Макьюэна, в частности, в романе «Амстердам». Автор статьи обращается к понятию нормы, представлены различные подходы к этому понятию: норма, рассматриваемая в общем смысле, с позиции психологии, с позиции социологии. Подвергается анализу константа психической нормы с точки зрения героев романа, а также влияние, оказываемое этой константой и интерпретацией героев на развитие сюжета и финал романа. Делается вывод о том, что каждый значимый эпизод романа можно рассматривать в зависимости от отношения героев к константе нормы и действий, которые они совершают в результате. Трагический финал романа также можно расценивать как следствие неверного понимания этого понятия главными героями. Как психологический роман «Амстердам» И. Макьюэна дает возможность определить, по каким причинам возникают непонимание между героями, неразрешимые конфликты в их отношениях, а иногда необратимые последствия. В статье предлагается использовать описанный выше анализ как возможную тему на занятиях по Истории зарубежной литературы XX в. для того, чтобы сформировать у студентов представления о психологическом романе.

Beklemysheva Valeriya Pavlovna,

Assistant Lecturer of Department of English Philology and Comparative Linguistics, Institute of Foreign Languages, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

PSYCHIC NORM AND ITS BOUNDARIES IN THE NOVEL "AMSTERDAM" BY I. MCEWAN (A PSYCHOLOGICAL NOVEL STUDY IN THE COURSE OF "FOREIGN LITERATURE OF THE 20TH CENTURY")

KEYWORDS: norm; psychic norm; psychological novel; psychologism; Ian McEwan; The History of Foreign Literature of the 20th Century.

ABSTRACT. The object of study in the article is the idea of the psychic norm as displayed in the works of Ian McEwan, in particular, in his novel "Amsterdam". The article concentrates on the notion of the norm, and various approaches towards this notion are presented: norm as considered in general, from the point of view of psychology, from the point of view of sociology. The article analyzes the constant element of the psychic norm as viewed by the characters of the novel, as well as the influence of this constant element and the characters' interpretation of it on the development of the plot and the finale of the novel. The author comes to the conclusion that each considerable episode of the novel may be viewed in accordance with the characters' treatment of the constant element of the norm and their resulting actions. The tragic ending of the novel may also be considered as a consequence of the main characters' misunderstanding of this notion. As a psychological novel, "Amsterdam" by I. McEwan gives an opportunity to identify the reasons due to which there arises misunderstanding between characters, conflicts in their relationships that cannot be solved, and sometimes the consequences that cannot be turned back. The article suggests a possibility to use the described analysis in lectures and at practical classes in "The History of Foreign Literature of the 20th Century" with the aim to acquaint students with the genre of psychological novel.

Развитие психологического романа в Европе, которое некоторые ученые относят к XVII веку [9, с. 24], другие – к XIX [5, с. 232], в XX веке приобретает обширное распространение, претерпевая изменение формы [16, с. 636; 4, с. 8]. Несмотря на давнее происхождение данной литературной формы, ее обсуждение и изучение является актуальной и на сегодняшний день, так как психологический роман занимает не последнее место в современной литературе.

Таким образом, ознакомление с психологическим романом на занятиях по зарубежной литературе представляется ценным, так как оно позволит дать студентам филологического направления наиболее полное представление о современной литературе.

Исходя из определения, данного в словаре Дж. Каддона, психологический роман представляет собой такую форму литературы, которая касается в большей степени духовной, эмоциональной и психической

жизни героев, анализа характеров, а не сюжета и действий [14, с. 709]. С точки зрения Л. Я. Гинзбург, одной из задач, стоящих перед психологизмом, является познание поведения человека [1, с. 399].

Возникает вопрос: как авторы психологической прозы осуществляют анализ характеров, психической жизни героев, их поведения? Вряд ли можно дать однозначный ответ на данный вопрос, поскольку, несмотря на общность черт, каждый автор будет производить этот анализ особым образом.

В ряде романов Иэна Макьюэна, одного из представителей психологического романа, неуловимо прослеживается тема психической нормы, нормы поведения, через отношение к которой раскрываются психические состояния героев, их характеры. Таким образом, в рамках семинарских занятий, посвященных изучению психологического романа на примере творчества И. Макьюэна, представляется логичным предложить студентам самим определить понятия психической нормы, нормы поведения, социальной нормы, проследить за тем, как интерпретируются эти понятия героями романа, какую роль играет их интерпретация в построении сюжета произведения. Преподавателю предлагается обсудить со студентами сделанные ими заключения, помочь сделать конечные выводы.

Анализ научной литературы и романа «Амстердам» И. Макьюэна позволил нам сделать следующие наблюдения.

Прежде чем перейти непосредственно к понятиям психической нормы, нормы поведения, представляется целесообразным рассмотреть понятие нормы в общем.

В словаре Л. П. Крысина «норма» определяется как «1. Установленное установление, признанный обязательным порядок, строй чего-н.; 2. Установленная мера, средняя величина чего-н.» [7, с. 684]. Таким образом, данное понятие в первом значении предполагает наличие законов или правил, устанавливающих ту или иную норму; во втором значении норма представляет собой усредненный статистический (количественный) показатель какого-либо явления.

Это определение отчасти сходно с определением Ю. В. Гущина, представленным в Большом психологическом словаре, в котором выделяется несколько уровней психической нормы: идеальная, среднестатистическая, конституциональная, акцентуация, предболезнь [2, с. 317]. Последние два уровня описывают состояния, приближенные к противоположному полюсу дихотомии «норма – патология». Также в статье Ю. В. Гущина отмечается зависимость психической нормы от физиологических и психофизиологических функций головного моз-

га, и кроме того, от статистических показателей психических процессов и явлений [2, с. 318], то есть, обобщенно, от психического и физического здоровья человека.

Подобным образом определяется нормальность в словаре-справочнике по психологии Кордуэлла, а именно как «отсутствие симптомов психического расстройства или иных видов психологической дисфункции» [6, с. 194]; в данном определении норма вновь представляется как показатель психического здоровья человека в противопоставлении к состоянию болезни.

Что касается норм поведения, то, с точки зрения психологии, они представляют собой «способы мышления и поведения, принятые в данном обществе и разделяемые большинством его членов» [6, с. 195], и противопоставляется девиантному поведению, которое противоречит этим нормам [12, с. 509].

Как видно из определения, нормы поведения человека существуют неразрывно от общественных, социальных норм, что находит свое отражение и в литературе: как отмечено в словаре П. А. Николаева, в литературе XIX–XX вв. социальное и психологическое в романе синтезируются [11].

Социальные нормы по определению Б. Г. Мещерякова представляют собой «конвенциональные <...> правила, предписывающие или запрещающие к.-л. поведение, деятельность, действие» [10, с. 318].

Все определения нормы, рассмотренные выше, дают представление о многогранном характере данного понятия, множественности его составляющих.

Через отношение к норме (психической, поведенческой, социальной) раскрываются характеры героев романа «Амстердам» И. Макьюэна. О сходных чертах психологического романа упоминается в статье А. А. Федорова: автор полагает, что персонажи психологического романа «испытывают потребность принять или выработать общие духовные и экзистенциальные константы, направляющие их поведение и помогающие найти себя в современном состоянии общества» [13, с. 22]. На протяжении романа читателю дается возможность наблюдать за тем, как герои вырабатывают для себя константу нормы и пытаются привести в соответствие ей окружающий их мир.

Через свое понимание, преломление понятия нормы в сознании каждый из героев подвергается своего рода проверке, созданной автором.

Без сомнения, первым испытанием на пути главных героев является длительная болезнь и смерть их возлюбленной Молли Лейн, которые, безусловно, были потрясением для обеих товарищей. На похоронах

Молли главные герои чувствуют себя потерянными в толпе соболезующих, безотчетно повторяют про себя и вслух «Poor Molly». Друзья ведут разговор, с помощью которого надеются справиться с утратой, «that gave them rather more comfort than singing “Pilgrim”» [15, с. 6]. Первым указанием на предстоящие события романа служит неприметная на первый взгляд, вскользь брошенная Верноном Холидеем фраза: «She would have killed herself rather than end up like that» [15, с. 7]. Его друг, Клайв Линли, разделяет ту же точку зрения: «You know, I should have married her. When she started to go under, I would have killed her with a pillow or something and saved her from everyone’s pity» [15, с. 11]. С точки зрения героев подобное завершение болезни Молли было бы предпочтительней, чем то, которое постигло ее: «быть объектом распространенных сплетен», всеобщей жалости; «умереть животной смертью». В том, как главные герои описывают трагический упадок своей возлюбленной, в их категорических высказываниях и проявляется их отношение к произошедшему. Молли теряет и физическое, и психическое здоровье: “a tingling in her arm – a sensation that never went away”, “the loss of control of bodily function and with it all sense of humour”, “fumbling for the names of things”, “trailing off into vagueness interspersed with episodes of ineffectual violence and muffled shrieking” [15, с. 5]. Такое состояние физического и умственного упадка, отношение общества, вызванное им, не являются нормальными с точки зрения главных героев. Они убеждены в том, что могли бы найти для нее лучший исход, и, главное, что его избрала бы сама Молли. Автор не дает нам возможности узнать, исполнили бы свои намерения главные герои по отношению к своей возлюбленной, или нет, хотя читатель и может сделать предположения по окончании чтения романа. И, хотя сама Молли, возможно, не была бы довольна тем, как она ушла из жизни, есть ли основания полагать, что она хотела другого исхода? Ведь пока болезнь не затронула ее сознание, она не совершила никаких попыток изменить свое будущее.

Подвергаясь другим испытаниям, герои вырабатывают свою константу нормы, которую считают единственно верной и потому следуют ей. Характерная для героев произведений Макьюэна «неспособность к выходу за пределы собственного “я”, неспособность видеть “другого”» [3, с. 244] приводят героев романа «Амстердам» к трагическому финалу.

Следующим испытанием для Вернона Холидея можно считать «разоблачение» Джулиана Гармони, запечатленного на фо-

тографиях, сделанных некогда Молли Лейн, в женской одежде и позе. Несмотря на то что, Вернон не расценил бы подобный поступок со стороны другого человека, как нечто противоестественное, он считает поведение Джулиана ненормальным, девиантным, объясняя это в разговоре со своим другом следующим образом: «– Isn’t this the kind of sexual expression you’re so keen to defend? What exactly is Garmony’s crime that needs to be exposed? – His hypocrisy, Clive. This is the hanger and flogger, the family values man, the scourge of immigrants, asylum seekers, traveler’s, marginal people» [15, с. 84]. Вернон уверен в своем решении, он не только и не столько хочет изобличить лицемерие старого врага, но и спасти свою страну от опасности в роли недалководного, узколобого, вершащего преступления премьер-министра, управление которого приведет страну к бедности, преступности, экологической катастрофе. Ради этой высокой цели он готов прибегнуть даже к помощи врага. Но только ли это является его мотивом? «And who could tell, perhaps Vernon was in position to change the country’s future for the better. And his paper’s circulation» [15, с. 67]. Прием, использованный автором, своего рода зевгма, раскрывает контраст между высокими устремлениями, которые Вернон использует, чтобы мотивировать и, впоследствии, оправдать свой поступок, и теми, вполне материальными интересами, которые сопутствуют ему.

Это испытание не только для Вернона, но и для Клайва; оно проводит первую разделительную черту между представлениями о норме, сформированными у главных героев: если с точки зрения Вернона лицемерное поведение Джулиана, его политика, экономическая и социальная ситуация в стране противоречат норме, то, с точки зрения Клайва, ненормальным является желание Вернона предать огласке подробности личного характера, которые разрушат не только карьеру, но и личную жизнь человека, пусть даже такого никчемного как Джулиан. Кроме того, он считает это предательством по отношению к их погибшей возлюбленной: «He trusted her and she respected his trust. It was something private between them. <...> She would have hated what you’re doing. Frankly, you’re betraying her» [15, с. 87].

Следующим событием, которое разграничивает выработанные (или вырабатываемые) главными героями константы нормы, является сцена преступления, наблюдателем которой становится Клайв. Следование своему предназначению, создание симфонии тысячелетия («the lamented century’s ode to joy») представляется ему событием,

намного более значимым, чем шумная возня, отвлекающая его от своего творения, звуки борьбы, происходящей на его глазах. Вмешаться означает упустить ключевой момент своей карьеры, своего творческого пути. Поэтому отстраненность от происходящего, сосредоточение на своем детище, «красоте и грусти» симфонии, не являются для Клайва чем-то аномальным, из ряда вон выходящим. Каждый должен заниматься своим делом. «His fate, their fate, separate paths. It was not his business. This was his business, and it wasn't easy, and he wasn't asking for anyone's help» [15, с. 103]. Клайв, с его точки зрения, всего лишь выполняет свой долг. Для Вернона же поведение Клайва является аномальным, оно противоречит нормам морали, долгу перед обществом. Он обвиняет Клайва в том, что тот летает в облаках, в преступном бездействии, повлекшем смерть очередной жертвы преступника. «But if you'd've gone to the police afterward, this other woman wouldn't have copped it. <...> This is outrageous. Go to the police, Clive. It's your moral duty» [15, с. 136]. Для Клайва такие обвинения кажутся абсурдными, поскольку Вернон сам не «невинный»: он пытается разрушить жизнь человека, которому доверяла и которого любила Молли, он предал ее память. С точки зрения Клайва наказание, постигшее Вернона, в результате этой попытки, является вполне заслуженным. Вернон же, ожидавший помощи, или хотя бы поддержки со стороны друга, считает такое отношение неприемлемым: «<...> at a time when the world was threatening him badly, when his life was in ruins, no one was treating him worse than his old friend, and that was unforgivable» [15, с. 168].

Конфликт между двумя главными героями (конфликт их восприятия мира, выработанных ими норм) нарастает, когда Вернон заявляет в полицию о том, что Клайв был свидетелем преступления. Это происходит в тот самый момент, когда Вернон находится в процессе создания венца своей симфонии, в которой видит смысл своей жизни, свою цель. Такой поступок кажется Клайву предательским, он не может простить этого Вернону. «When he entered the studio now, the squalor oppressed him, and when he sat in front of his manu-

script – the handwriting of a younger, more confident and gifted man – he blamed Vernon for the fact that he could not work, and his anger redoubled <...> It was becoming clear that he had been denied his masterpiece, the summit of a life time's work» [15, с. 160].

С другой стороны, решение, определившее судьбу главных героев, представляется им обоим верным, оно не выходит за рамки той нормы, которую они для себя выработали. Каждый из них считает, что лишь держит данное другому обещание. Каждый убежден в правильности своего решения, в том, что именно поведение его друга выходит за рамки нормы: «For clearly Clive had lost his reason and something had to be done» [15, с. 169]. Клайв даже находит аргументы, свидетельствующие о неадекватности поведения Вернона: «From his room he called his contact, the good doctor, to discuss arrangements and, for one last time, the symptoms: unpredictable, bizarre, and extremely antisocial behavior, a complete loss of reason. Destructive tendencies, delusions of omnipotence. A disintegrated personality» [15, с. 178]. Такие симптомы вполне могут свидетельствовать об отклонении от нормы, и Клайв, поставив диагноз своему другу, начинает на самом деле верить ему, несмотря на свою «извилистую искренность» («tortuous sincerity»).

Роман «Амстердам», как и другие произведения И. Макьюэна, дает читателю возможность «определить факторы, которые рождают непонимание, конфликты, отчужденность и неразрешимые ситуации во взаимоотношениях героев» [8, с. 1444].

В своей статье А. А. Федоров обращает внимание на то, что авторы психологического романа «показывают героев, не только ищущих внутренние смыслы своего существования, но часто неспособных их обрести» [13, с. 22]. Именно с такой ситуацией мы и сталкиваемся в романе «Амстердам»: трагический финал романа вызван непониманием героев, их искаженными представлениями о мире, месте человека в нем; о норме и патологии.

Приведенный выше анализ можно использовать на семинарских занятиях, посвященных изучению психологического романа на примере творчества И. Макьюэна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. М. : Интрада, 1999.
2. Гушин Ю. В. Норма // Большой психологический словарь / од ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М. : Прайм-Еврознак : ОЛМА-пресс, 2003.
3. Джумайло О. А. Против сентиментальности: Иэн Макьюэн // Вопросы литературы. 2010. №6. С. 242-260.
4. Жлуктенко Н. Ю. Английский психологический роман XX века. Киев : Выща школа, 1988.
5. Кабанова И. В. Зарубежная литература : пособие для учащихся старших кл. и студ. гуманит. специальностей. Саратов : Лицей, 2002.

6. Кордуэлл М. Психология. А – Я: Словарь-справочник / пер. с англ. К. С. Ткаченко. М. : ФАИР-ПРЕСС, 2000.
7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М. : Рус. яз., 2005.
8. Медведев А. А. Особенности психологизма в романах Иэна Макьюэна («Искушение», «На берегу») // Вестник Башкирск. ун-та. 2014. Т. 19. №4. С. 1443–1448.
9. Мелетинский Е. М. Начало психологического романа. М. : РГГУ, 2002.
10. Мещеряков Б. Г. Нормы социальные // Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. М. : Прайм-Еврознак : ОЛМА-пресс, 2003.
11. Николаев П. А. Словарь по литературоведению. URL: <http://nature.web.ru/litera/12.9.html>.
12. Словарь психолога-практика / сост. С. Ю. Головин. Минск : Харвест; М. : АСТ, 2001.
13. Федоров А. А. Модификации психологического романа и современная английская проза // Российский гуманитарный журнал. 2012. Т. 1. № 1. С. 14–22.
14. Cuddon J. A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. London : Penguin Books, 1999.
15. McEwan I. Amsterdam. New York : Anchor Books, 1999.
16. Vrettos A. Psychological Novel // The Encyclopedia of the Novel, A–Li. V. 2. Chichester : Blackwell Publishing, 2011. P. 633–637.

REFERENCES

1. Ginzburg L. Ya. O psikhologicheskoy proze. M. : Intrada, 1999.
2. Gushchin Yu. V. Norma // Bol'shoy psikhologicheskii slovar' / od red. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. M. : Praym-Evroznak : OLMA-press, 2003.
3. Dzhumaylo O. A. Protiv sentimental'nosti: Ien Mak'yuen // Voprosy literatury. 2010. №6. S. 242-260.
4. Zhluktenko N. Yu. Angliyskiy psikhologicheskii roman XX veka. Kiev : Vyshcha shkola, 1988.
5. Kabanova I. V. Zarubezhnaya literatura : posobie dlya uchashchikhsya starshikh kl. i stud. gumanit. spetsial'nostey. Saratov : Litsey, 2002.
6. Korduell M. Psikhologiya. A – Ya: Slovar'-spravochnik / per. s angl. K. S. Tkachenko. M. : FAIR-PRESS, 2000.
7. Krysin L. P. Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov. M. : Rus. yaz., 2005.
8. Medvedev A. A. Osobennosti psikhologizma v romanakh Iena Mak'yuenta («Iskuplenie», «Na beregu») // Vestnik Bashkirsk. un-ta. 2014. T. 19. №4. S. 1443–1448.
9. Meletinskiy E. M. Nachalo psikhologicheskogo romana. M. : RGGU, 2002.
10. Meshcheryakov B. G. Normy sotsial'nye // Bol'shoy psikhologicheskii slovar' / pod red. B. G. Meshcheryakova, V. P. Zinchenko. M. : Praym-Evroznak : OLMA-press, 2003.
11. Nikolaev P. A. Slovar' po literaturovedeniyu. URL: <http://nature.web.ru/litera/12.9.html>.
12. Slovar' psikhologa-praktika / sost. S. Yu. Golovin. Minsk : Kharvest; M. : AST, 2001.
13. Fedorov A. A. Modifikatsii psikhologicheskogo romana i sovremennaya angliyskaya proza // Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal. 2012. T. 1. № 1. S. 14–22.
14. Cuddon J. A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. London : Penguin Books, 1999.
15. McEwan I. Amsterdam. New York : Anchor Books, 1999.
16. Vrettos A. Psychological Novel // The Encyclopedia of the Novel, A–Li. V. 2. Chichester : Blackwell Publishing, 2011. P. 633–637.

Статью рекомендует д-р филол. наук, проф. Е. Г. Доценко.